

Подвиг зрелости

рассказ

В таинственный мир бескрайних вод, в беспредельный простор разгула стихий, к землям, овеянным сказками и легендами, к островам, огражденным оскалом рифов, в мир неведомых сил, подстерегающих тех, кто появится здесь, упорно стремился дерзкий человек.

В лютый шторм на тридцатый день плавания Христофор Колумб, хмурясь и прихрамывая, вышел из адмиральской каюты, чтобы подняться на мостик. Трап проваливался под его ногами. Каравелла взлетала и падала, а ее движения повторяла в разрывах туч ущербная луна, похожая на прыгающий в небе смятый мяч. "Санта Мария" кренилась на сорок пять градусов.

Волны прокатывались через тольду, нижний ярус между передней и задней судовыми надстройками, смывая за борт запасные блоки и канаты. Лишь прославленная остойчивость судна не давала ему перевернуться.

Колумб, упрямо расставив ноги в ботфортах, словно врос ими в палубу. Его преданный паж де Сельедо, хрупкий, но ловкий, стоял подле обожаемого адмирала, готовый выполнить любое его поручение. Неистовый ветер рвал с его головы нарядную шляпу с перьями, больно стягивал под подбородком шнурок и свирепо бросал в женственное лицо свинцовые брызги, слетавшие с пенных гребней.

А до начала шторма все в точности соответствовало дневнику настоящего плавания Христофора Колумба. Правда, моряки не испытали священного трепета при виде зеленых морских просторов, покрытых как бы речной травой с ползающими по стеблям ракообразными (водоросли саргассы, давшие имя Саргассова моря этой части Атлантики). Но зато потом жуткое чувство охватило добровольных спутников Колумба.

Отчаянные смельчаки готовы были от безотчетного ужаса броситься за борт, но тот же парализующий страх сковал их движения. И они стояли с выпученными, вылезшими из орбит глазами и вздыбленными, словно наэлектризованными, волосами...

Спас положение паж адмирала. Он сбежал по трапу на нижний ярус, сумев увлечь за собой и "маэстро" корабля (скипера), силача-великана Хуана де ла Коста, и "пилота" (штурмана) темнокожую Паралесо Ниньо, быструю и гибкую, чье прозвище Крошка так подходило к ней.

Все трое на глазах адмирала и потрясенной команды пустились на тольде в пляс.

Сто тысяч дьяволов и одна ведьма! Вот это был танец!.. В прежние времена ему позавидовали бы черные бесовки африканских джунглей, краснокожие воины у победного костра, исполнительницы танца живота с тихоокеанских островов и исступленные фанатики шествия шахсей-вахсей, мусульмане-шииты. Всем им было бы далеко до грузно притопывающего гиганта и порхающих вокруг него теней, одна из которых казалась воплощением легкости и изящества, другая — знойного порыва и движения.

Христофор Колумб и сам примкнул бы к танцующим, если бы не нога, поврежденная при восхождении в Альпах.

Кроме Колумба, никто не знал, что уши пляшущих заткнуты смолой и сами они повинуются лишь движениям темной руки Ниньо, бьющей в бубен.

Остальные моряки, увлеченные этим заразительным танцем, начинали непроизвольно двигаться в такт бубну, постепенно Пробуждаясь от кошмара. В древности танец тарантелла спасал от ядовитых укусов, ускоряя ток крови; теперь, победив ужас, он уберег команду от участи многих экипажей, покинувших в Бермудском треугольнике свои корабли.

Христофор Колумб повелел всем заткнуть уши смолой. И только тогда паника, вызванная запредельными, действующими на психику звуками далекой бури (пять, шесть герц!), улеглась.

Потом пришел шторм. Закрученный над океаном исполинский вихрь, в центре которого стояла обманчивая тишина, пронизанная неслышными, но губительными инфразвуками, сдвинулся и задел своим "ободом" флотилию Колумба. Несущийся с непостижимой скоростью воздушный поток раскидал каравеллы. Им предстояло теперь в одиночку сражаться со взбесившимися стихиями.

Рвались стародавние треугольные паруса. Вздymались перед буш-притом мраморные горы с пенными гребнями, касающимися черных туч. Гул, скрежет, грохот, казалось, разламывали черепа. Шансы на спасение каравелл были ничтожны, Колумб понимал это. Его товарищам и ему самому предстояло показать черты характера, достойные "подвига зрелости".

Повиснув на вантах над ревущими волнами, юные моряки убрали паруса.

Великой традицией молодежи XXV века стало знаменовать вступление в жизнь "подвигом зрелости". Его совершали и в полетах к другим планетам, и на пути к неприступным вершинам, и в лыжных походах к полюсам, и на Великих Стройках Тысячелетия. "Подвигом зрелости" считалось и повторение славных деяний предков. И потому спустя тысячу лет после открытия Америки горстка смельчаков взялась повторить плавание Христофора Колумба. На таких же утлых суденышках, без всяких средств связи, полагаясь лишь на собственное мужество. Примером для них служили знаменитые походы ученого-романтика XX века Тура Хейердала и его товарищей, покоривших на плоту и тростниковых лодках Тихий, Атлантический и Индийский океаны.

Молодые энтузиасты тоже были романтиками и, ступив на борт сделанных по древнему образцу "Санта Марии", "Пинты" и "Ниньо", приняли исторические имена открывателей Нового Света.

Так, невозмутимый болгарин Христо Колев стал Христофором Колумбом, а прелестная полька, восемнадцатилетняя Ванда Сельедская, — пажом де Сельедо. Их друг по альпинизму, добродушный увалень с Балатона Иштван Коча превратился в "маэстро" корабля Хуана де ла Коса. "Пилотом" же "Санта Марии" стала готовая следовать за венгром хоть в пучину морскую шестнадцатилетняя, огненная по характеру кубинка Нинетта Перелонья, тонкая и гибкая, как тростинка сахарных плантаций, решившаяся приплыть на каравелле вместе с другом на Кубу, к родителям. В списках экипажа она значилась под именем Паралесо Ниньо, младшего брата капитана самой маленькой из каравелл.

Многие из добровольцев откликнулись на призыв Всеевропейского союза коммунистической молодежи повторить открытие Америки и отправились вместе со своим Колумбом, наэлектризованные "страшными рассказами" о Бермудском треугольнике, который предстояло пересечь каравеллам. Веками исследовались эти места, но оставалась неизвестной причина исчезновения здесь кораблей и самолетов, терявших ориентацию и радиосвязь. И невозможно было опровергнуть антинаучную гипотезу о существовании якобы в здешних водах "базы инопланетян", способных переводить самолеты и корабли в некое высшее измерение, откуда они порой возвращались с часами, отставшими на десятки минут, а чаще не возвращались совсем.

Этой гипотезы с завидным упорством придерживались Иштван Кочи, естественно, преданная и темпераментная Нинетта.

— С тобой хоть в шалаше, хоть во дворце, хоть в инопланетном зоопарке, — смеялась она.

— Чтобы на нас глазели "мозги на щупальцах"? — очень серьезно отвечал Иштван.

Христо Колев не верил в инопланетян, а вместе с ним, конечно, и Ванда Сельедская. Непонятное бегство людей с судов, оказавшихся в Бермудском треугольнике, Христо объяснял воздействием инфразвука на психику, а потому предложил своим помощникам на всякий случай заткнуть уши смолой. В глубине души он допускал присутствие инопланетян на Земле, но твердо верил в гуманность высшего разума. Нет, не станут пришельцы похищать океанские корабли!..

Но гораздо опаснее гипотетических злодеев из космоса был крепавший шторм. Случись такой ураган на суше, он срывал бы крыши, а то и сами дома с фундаментов, опрокидывал бы поезда, рушил мосты... А в море он не нашел другой добычи, кроме трех крохотных каравелл.

И хрустнули шпангоуты "Санта Марии", ринулась в трюмы вода. Юные моряки самоотверженно боролись со стихией, вычерпывая воду допотопными средствами (других они намеренно не взяли с собой). Но каравелла медленно погружалась. Возникла та ситуация, когда шлюпки становятся надежнее корабля.

Новый Колумб понял это, когда грот-мачта, рухнув, проломила верхнюю надстройку. Каравелла не только лишилась главных парусов, но и быстро теряла плавучесть.

Нужно было принимать решение. Адмирал и "маэстро" переглянулись. Штурман сразу поняла все.

— Как?! — возмутилась она. — Отказаться от "подвига зрелости"? Нет, лучше уж с каравеллой на дно! Или хоть в лапы пришельцам!..

— Увы! Кабы пришельцы. А тут — океан, — с улыбкой сказал Колумб. — В шлюпках — тоже подвиг.

— Если гости из космоса действительно не захватят нас, — серьезно заметил Иштван.

— Пусть только попробуют! Пане инопланетяне! — заносчиво вскинула подбородок Ванда. Но потом, вспомнив обязанности пажа, скатилась по трапу на нижний ярус передать экипажу приказ адмирала: "Спускать шлюпки".

Горько выглядел на тольде остаток грот-мачты с острым неровным изломом, уже мокрым от волн. Паж, промокший до нитки, с трудом держался за штормовой канат.

Заскрипели блоки, закачались шлюпки: то над палубой, то над бездной. Через борта перехлестывали пенные гребни.

— Земля! Рифы! — услышала Ванда, взобравшись на мостик, голос "маэстро". Она похолодела.

— Какие рифы? Какие рифы? Здесь нет острова! Честное слово! Я сама замеряла координаты. До Кубы еще далеко, — уверяла Ниньо.

— Эх ты, штурман-"пилот"! — с упреком заметил Иштван. — Должно быть, ураган занес нас на твою милую Кубу.

— Какая Куба? Какая Куба? — протестовала Ниньо. — Повертите-ка головой! Земля-то со всех сторон!..

— Не промокли ли наши мозги? — вмешался Христофор Колумб. — Похоже, мы плывем внутри кольцевого острова...

— Должно быть, уровень океана еще опустился. Он здесь и так на двадцать пять метров ниже, чем в других местах. Загадки Бермудского треугольника! — отозвался Иштван.

— И мы, значит, попали... в кратер одного из вулканов легендарной Атлантиды! — почти радостно заключила Ванда.

Волны заметно утихли. Скалы окружали каравеллу сплошным кольцом, отгородившим часть океана.

— Мы в лагуне! — закричала Ниньо. — Спасены! Вода тихая, и волн нет! Вы видите?

— Надо разобраться, крошка, — пробасил Иштван.

— Опять пане инопланетяне? — с вызовом обратилась к нему Ванда, потряхнув промокшими перьями нарядной шляпы.

— Сто тысяч дьяволов и одна ведьма! — весело вмешался Хри-сто. — Не будем кручиниться от того, что каравелла спасена. А марсовый, прозевавший землю, не получит награды. Нас принес сюда ураган.

— Если это Куба или другой остров, то почему не видно штормовых волн? — спросил Иштван. — У меня впечатление, что весь океан, кроме этой лагуны, опускается, и довольно быстро...

— Да нет же! — воскликнула Ванда. — Не океан опускается, а вулкан поднимается! Вместе с затонувшим материком! Подумайте, какое счастье! Мы первыми ступим на Атлантиду!

— Это не скалы и не вулкан, — сказал Иштван. — Слишком ровный край. Это что-то искусственное.

Люди с мостика, да и все члены команды, изумленно смотрели на невероятный под®ем "кратера" вместе с каравеллой над поверхностью океана. Штормовые волны действительно уже не доставали верхней кромки образующих кратер "скал". Каравелла чуть покачивалась от ветра на спокойной воде лагуны.

— Пусть утону я в Балатоне, — проворчал Иштван, — но эта чаша, в которую мы попали, как муха в блюдце с чаем, поднялась над волнами. Вероятно, они просто прокатываются под нами.

— Муха и чайное блюдце? Конечно, пришельцы! Летающие тарелки, пятое измерение... Пропавшие корабли, самолеты... И все на блюдечках! И мы тоже! — восторженно выкрикивала Ниньо.

— Вера в чудеса, даже инопланетные, бездумна, — усмехнулся Хри-сто. — И как все бездумное, удобна.

— Какие уж тут удобства! Это все же не Балатон, а Бермудский треугольник, — вступился Иштван.

— Все равно живая я им в лапы не дамся! — заверила товарищей Ванда.

Через несколько минут не осталось сомнения в том, что "лагуна", на глади которой неистовый ветер лишь бороздил полосы ряби, поднялась выше уровня океана.

— Сейчас нас прикроют колпаком, — предположил Иштван, — чтобы лететь в мировое пространство.

— Проклятые гуманоиды, — сжав кулачки, процедила сквозь зубы Ниньо.

— Вот они, пане инопланетяне, — указала на берег Ванда.

На его удивительно ровном кольце появились две фигуры. Казалось, они в скафандрах.

— Спустить шлюпку! — скомандовал адмирал.

— Куда же они тащат каравеллу? Мы движемся, движемся вместе с этим проклятым блюдцем! — вне себя от волнения говорила Ниньо.

Иштван успокаивающе сжал ей руку повыше локтя.

"Маэстро" и штурман остались на каравелле, а адмирал с пажом и гребцами отчалили к берегу. Вскоре стало заметно, что ожидающие шлюпку существа — одно повыше, другое пониже — одеты не в скафандры, а в плащи с капюшонами.

— Что они с нами сделают, эти гуманоиды? — поинтересовался вполголоса Христо.

— Только бы не угодить в зоопарк, — отозвалась Ванда.

— Или в музей, — подхватил адмирал. — Чем наши кораблики не экспонаты? Да и мы сами? И где "Пинта" и "Ниньо"? Надеюсь на их мореходные качества. Они испытываются в шторм, как и характеры людей.

Фигуры инопланетян приближались. Меньший поднял руку. Это могло быть приветствием.

— Они добрые!.. Они не похищают, а спасают нас. Как дельфины, — обрадовалась Ванда.

Шлюпка подошла к берегу. Он оказался не каменистым, а... металлическим. Пришлось пройти с десятков метров под его неприступной стеной, пока не обнаружился причал... самый настоящий, оборудованный лестницей, ведущей наверх к ожидающим инопланетянам.

Сомнений в искусственности кольцевого сооружения не осталось. Колумб и паж взбежали по звенящим ступеням. Ветер силился сорвать их с лестницы и сбросить по ту сторону кольца, в океан, где все еще громоздились гигантские валы с седыми верхушками.

Инопланетяне двинулись навстречу прибывшим. Они передвигались в вертикальном положении, на задних конечностях. Передние были свободны, как и подобает разумным существам, способным к труду. Потом сквозь грохот и шум донеслись голоса.

— Спасательное судно "Лагуна"... Капитан Воронин. А это главный конструктор — доктор технических наук Надежда Светланова. Знакомьтесь, друзья, — говорил высокий "инопланетянин".

— Как? Вы специально спасали нас? — ужаснулась Ванда.

— Не совсем так, — заметила "инопланетянка". — Мы идем пробным рейсом из Ленинграда. Финский залив для "Лагуны" мелок, океан лучше. Мы знали, что вы где-то здесь, и биоаппаратура приняла ваш сигнал. Нет, нет! Я знаю, что вы его не посылали, но общее биополе экипажа "Санта Марии" отражало тревожность ситуации. И мы поспешили на помощь. Ведь для этого и создавалась "Лагуна"...

— Вы, значит, подчерпнули нашу каравеллу и всплыли с ней вместе? — спросил адмирал. — Что же это — подводная лодка немыслимых размеров?

— Не совсем так, — отозвалась Надежда Светланова. Она откинула капюшон, и теперь стало видно ее синеглазое, чуть усталое русское лицо: с морщинками в углах глаз, с ровными дугами бровей и ослепительными зубами, обнаженными в улыбке. — "Лагуна" носит свое имя благодаря огромному бассейну, в котором поместится любое морское судно. Эта чаша покоится на телескопических мачтах, уходящих в глубь моря. Они, в свою очередь, опираются на подводные понтоны с двигателями, перемещающими все сооружение. На глубине десятков метров нет ника-

кого волнения, даже шторм. Потому и надводная часть испытывает качки. Ну а поскольку всплывший бассейн уже не соединен с океаном, то в лагуне тихо, как в блюдечке.

— Значит, все-таки блюдце! Летающее блюдце! — подхватила Ванда. — Недаром мы бредили летающими тарелками Бермудского треугольника!

— Прошу простить, но у нас не летающее блюдце, а плавающее. Хотя и над водой, — вмешался капитан Воронин, поглаживая усы. — Возвращайтесь-ка, друзья, на судно. Успокойте свой экипаж. Мы доставим вас прямо на Кубу.

— На Кубу? — встрепнулся Христо. — Тысяча дьяволов и две ведьмы! Ни в коем случае! Чем ваша лагуна не док! Плавучий! Мы подлатаем каравеллу, потом вы пустите нас на волю волн. Морякам нечего качки бояться. Колумб доплыл до Кубы без посторонней помощи.

— Да, у вас такой же характер. Вы настоящий Колумб, — улыбнулась Надежда Светланова.

Ванда с гордостью посмотрела на адмирала:

— Мы снова схватимся с паном океаном! — запальчиво произнесла она, потряхнув перьями на шляпе.

— Похвально, — заметил капитан Воронин. — Только без грот-мачты, прошу прощения, трудновато придется.

— На то он и подвиг, чтобы быть трудным, — заключил Христо.

— Красиво и чудесно вы задумали, пани Надежда, — доверительно говорила Ванда, спускаясь вместе со Светлановой к шлюпке. — Это же и есть научно-техническая революция! Чаша-бассейн над поверхностью моря! А вместо бассейна можно, наверное, и десяток пассажирских палуб поставить! И никакой качки! Почему бы не строить так океанские лайнеры?

— Это моя мечта, милый мой паж де Сельедо. Начала вот со спасательного судна. А там... — Она прищурилась, заметнее стали морщинки у глаз. — А там посмотрим...

Каравеллы "Пинта" и "Ниньо" отчаянно боролись со свирепым штормом, когда сверхъестественным видением к ним приблизился фантастический корабль. Он походил на остров на сваях, приподнятый над водой так, что штормовые волны свободно прокатывались под его днищем. А над островом возвышались мачты "Санта Марии", дрейфующей во внутреннем водоеме.

С "Санта Марии" просигналили флажками, что там кипит работа: заделываются рассевшиеся борта, ликвидируется течь — и что каравелла скоро присоединится к остальным судам флотилии.